

Примадонна в стиле кабаре

CHRISTIAN STEINER

Любовь Казарновская — певчая и нагая.

Новые известия. — 2001. — 17 мая

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»

Любовь Казарновская — оперная дива и почти поп-звезда одновременно. Она ничего не боится и пускается порой в самые отчаянные предприятия. Свое сопрано, когда-то причисленное поклонниками к ряду самых эротичных и раскрепощенных голосов, она с отчаянной щедростью тратит не только на оперу, но и на джаз, блюз и даже на эстрадные номера в дуэте то с Николаем Басковым, то с Филиппом Киркоровым.

И вот, наконец, с паузой в три года Любовь Казарновская выступила с сольным концертом в Мекке академической музыки — Большом зале Московской консерватории. У входа суетились ловцы лишнего билета, а поблизости толпились спекулянты, готовые прийти им на выручку, естественно, себе не в убыток.

Из своей новой концертной программы «Песни Кабаре» Любовь Казарновская в дуэте с пианистом Важей Чачавой сделала настоящее кабаре начала двадцатого века, где, дыша ароматом страсти,

пирует ночная женщина. После премьер в лучших залах Санкт-Петербурга и Москвы это «Кабаре» отправится в долгое путешествие по многим городам России, ближнего и дальнего зарубежья.

Первое отделение программы отдано «Кабаретным песням» Арнольда Шёнберга, второе — песням Курта Вайля и Джоржа Гершвина. Музыкальная безупречность осталась за пределами вечера, однако исполнителям, и в первую очередь певице, удавалось убедить публику в том, что здесь это не самое главное. Красивая, артистичная и темпераментная Казарновская в черном декольтированном платье, изредка кутаясь в шелковую накидку цвета вишни, почти не используя оперный голос, доверительно и элегантно передавала двусмысленную атмосферу декадентских предвоенных Берлина, Лондона и Нью-Йорка. Но и заставила публику, хоть и не без труда, не только не хлопать между частями шёнберговского цикла, но практически полюбить непростую музыку австрийца-новатора, никогда не звучавшую в России с больших сцен. Главная

героиня Казарновской — тоска куртизанки, не знающей табуированных чувств и проводящей остаток жизни в душном кафе в компании бокала и сигареты, или бравада покинутой любовницы. Но Казарновская точно чувствует опасную грань между эмоциональной обнаженностью и тривиальной вульгарностью. К тому же Важа Чачава свою сложную фортепианную партию ведет, как строгий академист, правда, иногда пытаясь доминировать над голосом. И трагическое ощущение бессмысленно прожитой жизни трансформируется в светлую печаль. Иногда в прямом отрицании любви и заключена настоящая, искренняя любовь, рождающая вулканические потоки страсти.

Разгоряченная публика завалила певицу охапками цветов и полчаса не соглашалась на расставание с нею. Любовь Казарновская щедро одарила ее бисами, превращаясь то в нежную Клару из «Порги и Бесс» Гершвина, то в оборотистую Марию из «Вестсайдской истории» Бернштейна или в горделивую цыганку из оперетты Легара «Цыганская любовь».